

Ты! Не слишком ли ты зазнался! — разъяренно обвинял их староста, пылая гневом. — Сам учинил такое позорное и безнравственное безобразие, а смеешь вести себя нагло — бесстыдник!

Шэнь Цзю легко усмехнулся, а в его глазах глубоко залегло насмешке. — О, шестеро здоровущих мужиков напали толпой на одного меня, беременного цзэры, — это, должно быть, верх благопристойности? Или, может, послушаем, что об этом говорят в соседних деревнях?

Это же ты сам предложил! Чего теперь перекладываешь вину на нас? — возмущенно возразил тот самый смазливый цзэры, который заговорил первым.

Шэнь Цзю приподнял бровь и одарил его сияющей улыбкой. — Этот братец совершенно прав, дело и вправду предложил я, а вы приняли вызов. Так почему же теперь староста снова обвиняет меня в наглости и дерзости? Всё просто: вы решили, что со мной, беременным цзэры, будет легко расправиться. А уж если говорить о бесстыдстве, тц-тц-тц, я тут займу разве что второе место.

Почувствовав некоторую усталость и потеряв интерес к игре в кошки-мышки, Шэнь Цзю одним ударом ноги отбросил среднего возраста мужчину на три чжана назад и одновременно ловко скрутил молодого амбала. На этом он не остановился: толкнув его на землю, Шэнь Цзю наступил правой ногой ему на спину и с невероятно наглым видом улыбнулся старосте. — Надеюсь, односельчане не забыли то, что было сказано только что?

Хотя этот мужчина был самым молодым и выглядел вполне прилично, он оказался самым злобным и коварным — норовил бить исключительно в живот. Если бы не возросшая в последнее время сила и несколько лет занятий боевыми искусствами, этот бой мог бы закончиться для него весьма плачевно.

Ты — неженатый цзэры, позорящий деревенские нравы! То, что тебя еще не сожгли заживо, — проявление доброты односельчан, а ты чего еще хочешь?! Сам ведешь себя распутно, шатаешься где попало и творишь такие мерзости! Будь у тебя хоть капля стыда, собрал бы свои вещички и убирался из деревни! — старый цзэры, захлебываясь слюной, брызгал ядовитой слюной и орал в крайнем возбуждении.

Шэнь Цзю поковырял в ухе — и вправду невероятно резало слух. Он приподнял веки и раздраженно спросил: — Уважаемый старый папаша, я что, ел твой рис? Или спал на твоей большой кровати? Какое тебе дело до моей беременности? Я ведь ношу во чреве не твое семя, чего ты тут раскричался и устроил балаган? Рассердишь меня — угадай, не решусь ли я повесить этого ребенка на твой дом? — он изогнул губы в зловещей улыбке, полной изящного и лихого вызова.

Несколько мужчин в толпе откровенно засмотрелись на него, потеряв дар речи. Они и помыслить не могли, что деревенская звезда несчастий Шэнь Цзю окажется таким... цзэры.

У меня сегодня дел по горло, возиться с вами некогда. Скажу прямо: надеюсь, односельчане

умеют достойно проигрывать. Шестеро против одного, я победил. Пока деревня не лезет ко мне, я, само собой, не трогаю вас. Но если кто-то испортит мне настроение, у меня характер не сахар: сам сыт, вся семья не голодна — могу пойти на любые крайности. С этими словами Шэнь Цзю убрал ногу со спины молодого мужчины.

Он подошел к остолбеневшему Мяснику Лю и мягко произвел: — Дядюшка Лю, будь добр, одолжи свою воловью повозку.

Д-д-д-да, конечно! — Мясник Лю даже заикался. Вот уж не ожидал, ну совсем не ожидал!

Он украдкой окинул взглядом стоявшего перед ним Цзю-гэ. И впрямь не угадаешь! Кто бы мог подумать, что этот худенький, хрупкий Цзю-гэ обладает столь ловкими приемами. С такими-то навыками неудивительно, что он мог добывать в горах дичь. Раньше-то никто и не замечал, совершенно было не разглядеть.

Вроде как говорят: стал отцом — обрел силу, и ведь правду говорят. Стоило зачать ребенка, как человек совсем преобразился.

Мясник Лю лично запряг воловью повозку. — Умеешь ли ты править волон? Не нужно ли, чтобы я поехал с тобой в город?

Не стану утруждать дядюшку, обращаться с воловьей повозкой я немного умею. Шэнь Цзю говорил правду: в детстве, когда он жил в деревне, у них тоже была повозка, он часто ездил с дедушкой в город и немного научился, просто не слишком поднаторел в этом деле. Ничего, он один, поедет потихоньку, спешить некуда.

Лишь когда Шэнь Цзю, правя воловьей повозкой, не спеша выехал из деревни, притихшая было словно цыплята толпа окончательно разразилась шумом и гамом.

Многие выглядели крайне возмущенными и разъяренными, словно Шэнь Цзю совершил нечто чудовищное и безумное.

Староста собирается просто так оставить всё безнаказанно?! У нас в деревне ведь еще столько незамужних цзэры!

Я же говорил, что он — звезда несчастий! Сначала разорил собственный дом, а теперь принялся портить нашу деревню! Если чужаки узнают, что в нашей деревне водится столь безнравственный цзэры, приличные семьи наверняка затаят обиду, и тогда нашим цзэры ни за что не найти хороших женихов!

По мне так — пусть всё остается как есть. Мы же... мы ведь тоже не смогли его одолеть. Если сегодняшнее происшествие дойдет до соседних деревень, то вся наша деревенская репутация окажется растоптанной в грязи!

Мне кажется, Цзю-гэ теперь совсем не тот, что раньше. Судя по его нынешнему нраву, нам лучше держаться от него подальше. К тому же изначально правда была на нашей стороне, но после этого скандала мы тоже оказались неправы. Если поднять шум и об этом узнают во всех окрестных деревнях в радиусе десяти ли, вот это будет позорище!

Все наперебой перебивали друг друга, высказывая самые разные мнения. Сначала голоса разделились поровну, но по мере спора перевесок стал расти, и в конце концов... остались лишь жалкие одиночные возражения.

Мясник Лю видел всё это и мысленно вздохнул с облегчением. Как хорошо, что Цзю-гэ сумел постоять за себя, иначе сегодняшняя передряга и впрямь обернулась бы страшной бедой.

Если говорить о незамужней беременности, в какой деревне не найдется парочки таких случаев? Дело это не сказать чтобы великое, но и не пустяковое. Просто все привыкли, что Цзю-гэ легко обидеть, считали его проклятым, вот и хотели под этим предлогом изгнать из деревни. Эх, до чего же у некоторых людей черные сердца!

<http://bllate.org/book/19383/1895902>